

А. Э. Котов

«НАРОДНОСТЬ» И «СОСЛОВНОСТЬ»: ДВА ПОЛЮСА РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В истории русской мысли был момент, когда в спор вступили два своеобразных полюса русского консерватизма: начало «народности» столкнулось с консервативно-аристократическим началом — и это столкновение обозначило один из наиболее серьезных разломов русской политической культуры. Произошло это в начале 1860-х годов, когда знаменитая газета «Весть» вступила в полемику с изданиями, поддерживавшими «демократические» реформы Н. А. Милютина в только что усмиренной Польше. В числе этих изданий были «Московские ведомости», «Русский инвалид», «Голос» — но прежде всего славянофильские издания. Не будучи «демократами» в смысле приверженности к народному суверенитету, славянофилы отчасти являлись таковыми в своем относительном эгалитаризме и ставке на «общество» как на главный субъект национального строительства. В противоположность им, «Весть» защищала интересы прежде всего класса собственников и славянофильскому «цезаризму» противопоставляла солидарность всех дворянских корпораций России. Сословное начало парадоксальным образом восторжествовало в XX столетии, родив новый «имперский» правящий слой: партийную номенклатуру. Многие тезисы «Вести» всплывают ныне в право-либеральном дискурсе, а отдельные исследователи рассматривают и нынешнее российское общество как сословное.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, славянофильство, журналистика, публицистика, демократия, аристократия, Россия, Российская империя, И. С. Аксаков, «Весть», В. Д. Скарятин.

С легкой руки Н. А. Бердяева главным отечественным критиком демократии и певцом аристократического эстетизма считается К. Н. Леонтьев. Этому «философу реакционной романтики» в самом деле принадлежат яркие и острые выпады против «эгалитарного» «всесмесительного упрощения», а также проницательные указания на необходимость сословных перегородок, на тесную связь демократии и национализма, на либерально-демократическую природу русского славянофильства. Однако представлять Леонтьева последовательным защитником сословного начала было бы чрезмерным «упрощением системы». Нам уже не раз доводилось цитировать леонтьевское письмо театральному обозревателю

Александр Эдуардович Котов — кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (akotov@inbox.ru).

«Московских ведомостей» С. В. Васильеву (С. В. Флерову), в котором «учитель смелости» доказывает своему корреспонденту, что аристократия представляет ценность не сама по себе, и что «эстетика жизни» нередко требует предпочесть иному дворянину «молодого, богатого, румяного и доброго юношу-мужика»¹.

Но был в истории русской мысли момент, когда начало «народности» действительно столкнулось с консервативно-аристократическим началом — и это столкновение обозначило один из наиболее серьезных разломов русской политической культуры. Произошло оно в начале 1860-х годов, когда знаменитая газета «Весть» вступила в полемику с изданиями, поддерживавшими «демократические» реформы Н. А. Милютинина в только что усмирённой Польше. В числе этих изданий были «Московские ведомости», «Русский инвалид», «Голос» — но прежде всего славянофильские издания.

Славянофильство начинало свой путь в московских аристократических салонах. Однако на рубеже 50–60-х гг., по мере своего превращения из философского течения в политическую идеологию, оно получало всё большее распространение среди разных групп интеллигенции, в том числе и чиновно-служилой. Неприятие «формы», всего с ней связанного и на ней основанного (в частности, бюрократизма), стало одним из важнейших элементов славянофильской идеологии. Куда более значимый аспект славянофильства — его демократизм и антиаристократизм. Большой резонанс получила в 1863 г. статья И. С. Аксакова «О самоуничтожении дворянства как сословия», в которой он призвал свое сословие просить о распространении своих прав на все прочие социальные страты². Ещё один яркий образ, ставший важным элементом аксаковской демократической риторики, Иван Сергеевич позаимствовал у А. С. Хомякова: «Мы, русские славяне, не гордимся рыцарской кровью; мы, по выражению, Хомякова, плебеи человечества; мы предоставляли немцам, а теперь предоставляем и чехам считать „рыцарство“ за идеал нравственной правды... Что такое рыцарство в нравственном смысле? Это красивое употребление грубой силы по самым узким, условным понятиям о чести, вместе с грубейшим презрением к простому народу... Нет, мы, русские, не рыцари, мы сам народ, мы plebs!»³.

¹ Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 447–449.

² Аксаков И. С. О самоуничтожении дворянства как сословия // Он же. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 633.

³ Аксаков И. С. По поводу письма Ригера о польском вопросе // Он же. Сочинения: в 6 т. М., 1886. Т. 3. С. 129–130.

Подлинным основателем «русского направления» 1860–1890-х гг. был другой славянофил, Ю. Ф. Самарин. В середине 1920-х его биограф Б. Э. Нольде увидит в Самарине представителя «того поколения людей, с которых начинается современная Россия»⁴, и сумеет оценить значение деятельности этого самого «холодного» из славянофилов: «Юрий Самарин в полном смысле этого слова предрекал вперед на полвека исторические пути России и Польши, со всеми многообразными и громадными по своему значению последствиями новой политики для обеих стран и для всей Европы»⁵. По мнению биографа, «вся деятельность Александра III: упразднение старых балтийских судов, обрусительная школьная политика, превращение Дерпта в Юрьев и Дерптского университета в Русский университет, появление в Прибалтийском крае таких фигур, как Шаховской, — есть не что иное, как осуществление программы, с такой энергией и страстностью построенной Юрием Самариним. А через Александра III издали просвечивают и будущие республики Латвия и Эстония»⁶.

Нольде считал, что именно опыт службы в Прибалтике и сформировал самаринские политические взгляды: «Сделав из Самарина политического деятеля, балтийский опыт был для него действительно „школой“, ибо под его влиянием сложились окончательно некоторые коренные его политические убеждения: отрицание конституционализма и вера в социальную монархию, монархию, служащую народным массам»⁷. Именно в остзейском опыте Самарина корни того, что главный его оппонент — газета «Весть» — называла «цезаризмом»: «На всю жизнь вынес Самарин из этого анализа правовой борьбы за рижские хартии политических вольностей величайшее недоверие к формальным ограничениям верховной власти. Для него конституционализм навсегда сохранил привкус сословности и „плутовства“ высших классов в ущерб низшим»⁸.

Именно Самарин в своих «Письмах из Риги» и «Окраинах России» впервые поставил вопрос о неравноправии русских подданных российского императора, и именно он полнее многих своих современников проработал вопрос о связи сословного начала с национальным. Наиболее емко и кратко Самарин изложил свои взгляды в полемике

⁴ Нольде Б. Э. Ю. Ф. Самарин и его время. М., 2003. С. 11.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Там же. С. 50.

с «Вестью», чей «имперский» политический идеал он характеризовал следующим образом: «одно руководящее сословие и под ним множество руководимых племен»⁹.

Юрий Фёдорович решительно отрицал возможность построения государства с опорой на наднациональную аристократическую элиту: «Везде одно явление: старая аристократия вымерла или вымирает, а новая не зарождается. И это вовсе не значит, чтоб историческая производительность западной Европы иссякла; ибо возникают же партии, секты, школы и ассоциации всякого рода. Это значит только, что творческая сила истории, так же как и творчество физической природы, имеет свои периоды. Есть целые порядки органических формаций, так сказать отслуживших миру, которых природа уже не повторяет и о которых мы знаем только по их уцелевшим остовам. К разряду таких же брошенных историей организмов принадлежит и аристократия. Форма, в которую она когда-то отливалась, разбита навеки и её нет нигде, нет даже в редакции „Вести“».

Сословной солидарности Самарин противопоставлял идеал солидарности национальной: «В обществах образуются новые группы на основании тождества экономических интересов, а в области государственной Европа постепенно перестраивается на основании племенного начала. Народность — вот та новая, с одной стороны разлагающая, с другой — объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежние формации, созданные завоеваниями, династическими союзами, теорией европейского равновесия и другими более или менее искусственными комбинациями. Эта сила растёт повсеместно, и ей очевидно принадлежит будущность»¹⁰.

Как противоположный пример «разноплеменного государства, стянутого и свинченного безнародной аристократией», публицист приводил Австро-Венгрию — в скором распаде которой он был безусловно убежден¹¹. Вслед за Самариним и Аксаков соотносил проект «многонациональной» имперской «цветущей сложности» с Австрией: «Неужели еще есть люди <...> которым надо доказывать, что Россия не сочлененный, составленный „агрегат“ в роде искусственного австрийского гезамт-фатерланда, в котором по штату не полагается никакой живой народной индивидуальности, а взамен ея имеет существовать какая-то отвлеченная

⁹ Самарин Ю. Ф. О политическом идеале газеты «Весть» // *Он же. Сочинения.* М., 1898. Т. 9: *Украины России.* С. 460.

¹⁰ Там же. С. 482.

¹¹ Там же. С. 485.

национальность *имперская*, — национальность, которой единый живой принцип и вероисповедание есть верноподданничество австрийскому императору? Не это ли идеал тех наших близоруких патриотов, которые, ратуя за „государственное единство и цельность“, в то же время с возмутительнейшим пренебрежением относятся к русской народности и таким образом сами ослабляют крепость внутреннего объединяющего начала?»¹². При этом консервативных «имперцев», мечтавших о над-национальной «английской аристократии на русской почве», а также «патриотов, которые всю надежду на единство возлагают лишь на внешний государственный строй», Аксаков (к счастью для себя, не имевший возможности заглянуть в будущее) сравнивал, с людьми, «которые способны сеять кукурузу в Архангельской губернии»¹³.

Самарин, как и Аксаков, с крайним скепсисом относился к перспективам русского дворянства: «На всех окраинах России мы замечаем один общий факт: местные дворянские сословия всегда были и теперь являются самыми верными и надежными представителями, а в случае коалиции, самыми страстными поборниками своих народностей и вероисповеданий. Польский пан более поляк и более католик, чем польский крестьянин; остзейский барон более немец и более лютеранин, чем латыш или эстонец. Повторяем — так на окраинах. Но можно ли сказать то же самое про русское дворянство? Народный смысл и вера в свою народность, убеждение в превосходстве своего вероисповедания и привязанность к своей церкви, к ее преданиям и обычаям, все это сохранилось ли в русском дворянстве, не говорим лучше, полнее и чище чем в других средних и низших сословиях, но хотя бы в одинаковой степени? Слыли ли когда-нибудь русский дворянин и вправе ли он себя считать типом русского человека и православного?»¹⁴. В этой ситуации единственным способом сохранить государственное единство ему виделась апелляция к демократическим чувствам широких народных масс: «Везде массы тянут в одну сторону — к русской народности, а мнимые руководители масс в другие, разные стороны»¹⁵.

Неприятие славянофилами и их последователями-«почвенниками» сословного неравенства и бюрократического произвола, а также главного

¹² Аксаков И. С. В чем залог прочного развития и единства России? // Он же. Сочинения: в 6 т. СПб., 1891. Т. 2. С. 305.

¹³ Там же. С. 308.

¹⁴ Самарин Ю. Ф. О политическом идеале газеты «Весть»... С. 476–477.

¹⁵ Там же. С. 469.

атрибута либерального направления — индивидуализма; их апология «народности», общины и местного самоуправления, — всё это позволяет нам говорить о национально-демократических тенденциях славянофильско-почвеннического «лагеря». Не будучи «демократами» в смысле приверженности к народному суверенитету, славянофилы отчасти являлись таковыми в своём относительном эгалитаризме и ставке на «общество» как на главный субъект национального строительства. Поэтому в контексте данной статьи мы говорим о славянофильстве и почвенничестве как о консервативно-демократическом направлении.

Однако славянофильский «демократизм» не был отказом от консерватизма как такового. Самарин подчеркивал: «Токвиль, Моналамбер, Риль, Штейн — западные славянофилы. <...> Но вот разница: Токвиль, Монталамбер, Риль и другие, отстаивая свободу жизни и предание, обращаются с любовью к аристократии, потому что в исторических данных Западной Европы аристократия лучше других партий осуществляет *жизненный торизм*. <...> Напротив, мы обращаемся к простому народу, но по той же самой причине, по которой они сочувствовали аристократии, т. е. потому что у нас народ хранит в себе дар самопожертвования, свободу нравственного вдохновения и уважения к преданию. В России единственный приют торизма — черная изба крестьянина»¹⁶.

Разумеется, подобная диалектика устраивала не всех современников: оставлять принципы «торизма» в крестьянской избе не желали многие представители европейски образованного дворянства и высшей петербургской бюрократии. Их рупором и стала газета «Русский листок» В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматова, в 1863 г. преобразованная в знаменитую «Весть». С легкой руки Каткова, Самарина и других своих оппонентов она получила репутацию органа крепостнической и олигархической реакции. Но от подобных ярлыков редакторы решительно и небезосновательно открещивались.

Б. Э. Нольде характеризовал «партию» «Вести» как «чисто дворянский вариант раннего русского конституционализма»¹⁷. Сочувствуя этому направлению, Нольде оценивал его как наиболее предпочтительный путь развития России: «Лишь запоздалыми и банальными перепитками тогдашней полемики объясняется, что до сих пор это направление у русских историков именуется “крепостническим”: оно было „освободительным“ в самом подлинном смысле этого слова, и давно

¹⁶ Цимбаев Н. И. Славянофильство. М., 1986. С. 205.

¹⁷ Нольде Б. Э. Самарин и его время... С. 192.

пора понять, что на путях Мих[аила] Безобразова, Платонова, Шувалова, Орлова-Давыдова, Кошелева, Алексея Бакунина, Валуева лежало бесконечно более правильное направление для нормального русского государственного развития, чем на путях их противников, хотя бы противники эти и назывались Александром II, Милютиным, Самариным и Кавелиным. Кто знает, перешли бы мы столь беспрепятственно от народнического самодержавия к большевизму, если бы между ними легла полоса полувекового конституционализма, хотя бы для первых десятилетий и цензового?»¹⁸.

Видя в Англии безусловный образец для подражания, «Весть» утверждала: «Тори, или английские консерваторы, совсем не были аристократами, как у нас многие думают. В их рядах хотя и стояли многие знатнейшие фамилии Англии, но масса рекрутировалась из скромных сельских дворян, отличавшихся консервативным духом. Этим почтенным классом умело воспользоваться английское законодательство, — и сельское дворянство сослужило добрую службу своей стране тем, что умело упрочить в ней свободу, сопротивляясь крайним увлечениям демократического духа. И то были простые сельские *сквайры*, которые держали оппозицию вигским министерствам королевы Анны; то были те же *сквайры*, когда, испуганные и возмущенные французской революцией, они составили сильную партию, поддерживавшую политику великого Бёрка; то были опять те же сельские *сквайры*, составлявшие в парламенте ядро политической армии, во главе которой стоял великий Питт и его преемники»¹⁹.

Свою социальную базу «Весть» пыталась обрести в той среде, что позднее будет воспета в производственных романах Айн Рэнд: «Ряды либеральных консерваторов усиливаются с каждым днем притоком новых сил... Теперь сюда же спешат примкнуть благомыслящие люди всех сословий: купцы, фабриканты, содержатели мастерских, мелкие и средние собственники различных категорий. Еще недавно тот самый лагерь, который считался исключительно дворянским, теперь принимает в свою среду людей новых, таких людей, которых ни один служитель демократического социального деспотизма уже не смеет упрекнуть своими нелепыми упреками крепостного права»²⁰.

¹⁸ Нольде Б. Э. Петербургская миссия князя Бисмарка: Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925. С. 254.

¹⁹ Весть. 1863. № 5. 8 сентября.

²⁰ Весть. 1864. № 16. 17 апреля.

Таким образом, газета претендовала на роль защитника интересов не столько дворянства как такового, сколько класса собственников — независимо от происхождения последних. Прекрасной иллюстрацией тому служит речь В. Д. Скарятина на съезде сельских хозяев 4 ноября 1866 года: «... с тех пор, как власть помещика уничтожена и крестьянин сам распоряжается своим хозяйством и слушает только самого себя; с тех пор, как бесчисленные разделы подрывают и власть главы семейства, и из одного сильного способного дома делают два или три неспособных, едва перебивающихся, — должен выработаться новый порядок вещей, новый двигатель!.. Этот новый порядок может возникнуть только из широкого применения прав собственности, только из широкого применения свободы лица. Этот новый двигатель — энергия собственника, чувство собственника, инстинкт собственника!.. Община подавляет, убивает этого двигателя. Одно из двух: или опека, крепостное право со всем их дурными, как и хорошими сторонами; или свобода со своими логическими последствиями! То есть — обогащение, самостоятельность для людей способных, трудолюбивых, бережливых, трезвых, наконец, владеющих необходимыми для самостоятельного хозяйства средствами, — и подчиненность, зависимость, батрачество — на долю неспособности, лени, невежества. Середины тут нет!»²¹.

Разумеется, эгалитарно-демократической программа «Вести» также не была: «...мы всегда стояли за политическое преобладание высших и средних классов над грубыми народными массами. Мы не восклицали, вместе с Барбье и г. Аксаковым, о превосходстве той *grande populace* и *sainte canaille*, той *великой черни*, о которой с таким благоговением отзываются эти два поэта-мечтателя. <...> По нашим понятиям, чистая, белая как снег и тонкая рубашка не может мешать человеку любить свое отечество. По нашим понятиям, лайковые перчатки не делают человека преступным и не ставят его *вне* закона, подобно тому, как бараньи рукавицы не делают человека добродетельным и не дают ему права становиться выше закона. Для нас дегтярный запах не имеет никакой привилегии над *Ess bouquet*. Сермягу мы не посадим к себе в гостиную и с зипунами не станем пить сивуху»²².

Народы, лишённые собственной аристократии, виделись Скарятину и Юматову неполноценными. Так, своим оппонентам из «милютинского» «Русского инвалида» публицисты «Вести» иронически

²¹ Весть. 1865. № 20. 11 ноября.

²² Весть. 1863. № 12. 27 октября.

рекомендовали обратиться «к народностям, отличающимся своим плебейским характером, как-то: к чувашам, мордве, черемисам и проч. Эти счастливые племена должны пользоваться особою симпатией славянских „пророков“, потому что в этих племенах всего более сохранился тот высокий тип *плебейской цивилизации*, о котором мечтает вдохновенный г. Гильфердинг»²³. Позже к числу народов-«неудачников» «Весть» присовокупляла и балканских славян: «кроме чувашей, мордвы и турецких славян в настоящее время довольно трудно будет найти чистейший *демос* в своей абсолютной красоте»²⁴. В другой передовице утверждалось, что «...только отсутствием дворянства у южных славян объясняется порабощение их Турциею»²⁵.

При этом газета подчеркивала, что защищает не всякое высшее словие. Полемизируя с «милютинским» «Русским инвалидом», «Весть» отмечала революционно-«цезаристский» характер утратившей связь с землей олигархии: «Олигархия же эта не есть аристократия, которая живет на *свой* счет, проживает *свои* доходы и употребляет весь свой доход, часто всю жизнь на безвозмездное служение отечеству... нет! Олигархия — это малочисленная шайка, захватившая власть в свои руки, действующая под покровом тайны, боящаяся света и заботящаяся не о пользе государства, а о карманах своих, своей родни и своих сеидов»²⁶. К столь же оторванному от почвы «дворянскому пролетариату» Н. Н. Юматов позднее причислял и русских революционеров: не без оснований указывая Каткову на отсутствие в деле Каракозова следа «польской интриги», публицист «Вести» указывал, что Каракозов — «представитель умственного пролетариата, — а следовательно, дворянства бедного, не имеющего [своих] средств к жизни, но образованного и честолюбивого свыше своих сил»²⁷.

Другим объектом критики «Вести» оказалась Франция — аристократия которой также утратила патриархально-феодальный характер и приобрела «цезаристские» черты. Размышляя о социальной истории французского общества, Юматов приходил к неутешительным выводам: «...если под аристократическим началом подразумевать только принцип феодализма, пренебрежение высшего сословия к низшим классам,

²³ Весть. 1863. № 19. 15 декабря.

²⁴ Там же.

²⁵ Весть. 1863. № 45. 8 ноября.

²⁶ Весть. 1865. № 14. 21 октября.

²⁷ Весть. 1866. № 65. 22 августа.

сословную замкнутость и спесь, то во Франции аристократия до самого своего падения была сильнее, нежели в Англии. Французское дворянство стояло не только выше остального народа, но и в стороне от него. Напротив, английские лорды и джентри стояли возле народа и, по-видимому, мало и не так резко возвышались над ним. <...> Французская noblesse, чопорная, праздная и тщеславная, презирала всё, что было ниже ее, и не хотела иметь ничего общего с народом. Народная масса и низшие слои среднего сословия — все, что составляло roture и populace, всегда отличалась чувством самой низкой зависти, полным отсутствием той гордости, которая характеризует низшие и средние классы Англии. Про французский народ можно действительно сказать, что это — „нация-плебей“, — нация, отличающаяся самыми низкими инстинктами, завистливая, тщеславная, беспокойная, анархическая и стремящаяся к равенству лишь в ущерб свободе». Следствием гипертрофированного элитаризма стал не менее гипертрофированный эгалитаризм: «Французская нация, бывшая когда-то une nation de chevaliers, посредством поспешного процесса демократизации достигла равенства, которого у нас не было; но зато, не сумев сохранить градацию политических прав, превратилась из рыцарской нации в nation de manants. На ней лежит теперь двойной отпечаток цезаризма и плебисцита»²⁸.

Сравнивая русское общество с английским и французским эталонами, Юматов приходил к оптимистическим выводам: «...у нас народная масса благороднее французского плебейства; она не завистлива и гораздо охотнее подчиняется человеку знатному, нежели выходу из низших слоев, — человеку домовитому, нежели *ледащему*. Русский крестьянин не имеет низких инстинктов плебея, напротив, он столько же аристократичен, как английские йомены и фермеры. <...> Русское дворянство из всех континентальных дворянств наиболее приближено к английскому. Наши помещики всего более напоминают собою тех добрых сельских *сквайров*, которые создали величие Англии и упрочили в ней свободу и порядок. Английские сквайры, к счастью для своего народа, не были скроены из того матерьяла, из которого вышли французские *жантильомы*; русские помещики тоже далеко не похожи на маркизов Людовика XV»²⁹.

Согласно Скарятину, феодальное, «чисто административное происхождение» русского дворянства свидетельствовало о его близости

²⁸ Весть. 1863. № 19. 15 декабря.

²⁹ Там же.

«к английской джентри, — к этому столь желанному и завидному типу». Другим примером нефеодалного происхождения аристократии ему представлялся римский патрициат, который, «сколько нам известно, не имел, *кажется*, феодального происхождения, и <...> напротив, своим существованием они обязаны были именно этому административному происхождению. В любом учебнике наши проповедники найдут, что патрициями назывались семейства тех *начальников, которые назначались Ромулом и его преемниками* для составления сената. Стало быть, и римский сенат <...> не заключал в себе аристократических элементов, потому что его права не были „феодальными правами“, а происхождение его было „чисто административным“?».

Опираясь на столь почтенные исторические примеры, Скарятин заключал: «Пусть русские бояре не были похожи на германских баронов, происходивших, по словам легенд, от мифических богов, пусть наши бояре были простыми, но верными царскими слугами!.. здесь важно не обаяние исторических и легендарных преданий, здесь важно то, что сохранилось в действительности. Важно, что русское дворянство, несмотря на все удручавшие его невзгоды, существует как политический элемент; что оно не потеряло еще пока своей связи с землей и народом, что оно все еще не тот высший класс, который, невзирая ни на какие препятствия и горькие недоразумения, — одинаково близок и Царю, и народу. <...> Весь ход нашей истории тесно связан с судьбою дворянства, и Екатерина II, более других понимавшая значение этого факта, старалась им воспользоваться... Только в России и только в Англии дворянство сохранило еще в глазах народа свой служебный и государственный характер. Народ смотрит на дворянство как на людей земских и в то же время как на людей государственных, как на прирожденных слуг царских»³⁰.

Одобрив конфискацию имений польских помещиков, участвовавших в мятеже 1863 г., «Весть», как известно, не одобряла дальнейших «демократических» правительственных преобразований в некогда принадлежавших Речи Посполитой губерниях — обложения помещиков различными повинностями, а также наделения польских и русских (малороссийских и белорусских) крестьян землей. Всё это рассматривалось как содействие революционным началам: «В западном крае, для иных господ, толкующих о своей преданности России, собственно русские

³⁰ Весть. 1865. № 13. 18 октября.

интересы стоят на втором плане; первый же занят демократическими и социалистическими бреднями»³¹. Дальнейшая борьба с польским землевладением была, по мнению «Вести», чревата серьезными опасностями: «Россия опротивеет всякому из ее иноплеменных подданных, если не будет уважаемо право собственности, если принцип „права на землю“ и т. п. изобретения <...> войдут в русские законы»³².

Высказывая свои претензии к И. С. Аксакову, В. Д. Скарятин сформулировал свою политическую *profession de foi*: «...когда наши журналисты под шумок польского вопроса хотят повернуть по-своему вопрос о поземельной собственности, страдая малодушных и малоумных клеймом *космополитизма*, мы считаем своею обязанностию возвысить свой слабый голос против мощных возгласов г. Аксакова о *народности*. Мы осмелились напомнить ему, что в России весьма много народностей, а *собственность одна*. И эта собственность всегда и везде существует, существовала и будет существовать под строгою охраною законов там, где существует цивилизация и общественный порядок»³³.

Именно защита крупного землевладения представлялась «Вести» лучшим способом «окончательного решения» польского вопроса: «Когда будут уважаемы не только право собственности, но и те права, которые во всякой цивилизованной стране принадлежат бесспорно крупному землевладению, тогда, в виду этого уважения к представителям русского землевладения, и помещики поляки постепенно пристанут к ним и помирятся, наконец, с мыслию о принадлежности к России, ибо убедятся, что наша Россия — государство цивилизованное»³⁴. Таким образом, «Весть» призывала «лелеять, во всей силе этого слова, русских землевладельцев, находящихся в этом крае»; поляков же — «не искоренить, а примирить с мыслию об окончательной принадлежности к России»³⁵.

Постоянным корреспондентом «Вести» был киевский помещик и уездный предводитель дворянства А. М. Бердяев. Отец будущего автора «Философии неравенства» и «Нового средневековья» стал постоянным объектом критики «Киевлянина», на страницах которого удостоился прозвища «бойца польской sprawy на русской земле». В унисон с другим малороссом, П. П. Цитовичем, Бердяев-старший самыми

³¹ Весть. 1865. № 26. 2 декабря.

³² Весть. 1866. № 21. 17 марта.

³³ Там же.

³⁴ Весть. № 15. 25 октября.

³⁵ Весть. 1865. № 26. 2 декабря.

черными красками описывал и «общинный деспотизм» со всеми «ужасами» самоуправления: «Бестолковая болтовня и споры отбили охоту у всех порядочных степенных хозяев являться на сходку, и она составляет теперь по большей части из крикунов и сволочи». К этому прибавлялись и злоупотребления сословного крестьянского суда: «Все почти судьи продажны. За крупные дела платят деньгами, за мелкие — водкою. Истец, являясь в волость, должен непременно прийти со штофом»³⁶.

Это внушало почтенному землевладельцу серьезные сомнения в русском крестьянстве: «Было ли бы разумно оставить один простой народ оберегать русскую народность в крае, как мечтает о том целая партия нахлынувших сюда ложных либералов? Признавая в народе все нравственные качества, мы не можем, однако, не сказать — и уверены в справедливости наших слов, — что русский крестьянин не дорос еще до сознания государственных интересов. Одна бюрократия никогда не в состоянии будет оградить народ от происков враждебной партии; она не может развить в нем чувства сознанного патриотизма. Для этого необходима помощь образованного класса земства: его союз с народом. Поддержите поместное русское дворянство, укрепите его новыми силами изнутри России, предоставьте ему приобретать доверие народа — и вы будете иметь все элементы той силы, которая сделает западный край русским и сумеет его охранить от вторжения инородческого преобладания»³⁷.

Демократическое начало «Весть» регулярно подвергала критике: «Если Россия провозгласит господство масс, то она перестанет быть Россией»³⁸. Но симптомы приближающегося восстания масс газета усматривала не столько в социализме и революционном народничестве, сколько в «демократическом цезаризме», воплощение которого видела, в частности, в деятельности польского триумvirата — Н. А. Милютина, В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина. Обвиняя этих «демократических цезаристов» в ненависти к дворянству и дворянским собраниям, «Весть» чрезмерно преувеличивала их демократизм: «В наследственном монархическом строе они решительно отвергают всё, кроме голосования народной толпы. <...> Европа медленным, историческим процессом пришла к тому, что она теперь. Мы же хотим делать лишь отчаянные скачки. Раз допустив эту систему, мы придем ни к чему иному, как к окончательному разорению. Не только не обгоним мы Европу,

³⁶ Весть. 1864. № 38. 20 сентября.

³⁷ Весть. 1865. № 34. 30 декабря.

³⁸ Весть. 1865. № 30. 16 декабря.

но мы обратим нашу Россию в обширную киргизскую степь. Мы потрясем до основания слабое здание нашей цивилизации, мы достигнем равенства в общем невежестве, в общей нищете и в полном безначалии... Защитники цезаризма говорят о монархии, окруженной демократическими учреждениями; но завидна ли участь несчастных цезарей и их не менее несчастных народов?»³⁹.

Борьбу «триумvirата» с польским землевладением на западных окраинах империи Скарятин и Юматов рассматривали как подрыв главного консервативного принципа — уважения к собственности. Централизацию государственного управления в сочетании с ликвидацией сословных перегородок публицисты «Вести» ассоциировали с худшими французскими образцами «увенчанного демократа» Наполеона III: «В лице Луи-Наполеона революционная и демократическая Европа сидит на троне Франции и вооружается на Европу консервативную»⁴⁰. Именуя «милютинцев» «нашими виц-мундирными французами»⁴¹, газета видела в них олицетворение революционных тенденций своего времени: «...В наше время, когда демократия проникает во все поры, когда у любого бюрократа сидит в голове готовая демократическая теория <...> Даже официальные газеты наши („Русский инвалид“ — А. К.) <...> делаются защитниками таких начал, кои — и государственными людьми, и авторитетами науки — признаны за существенно демократические...»⁴².

Предостерегала «Весть» и против распространенной в монархической среде веры в консерватизм простонародья: «...жалкая была бы участь России, если б вся охранительная ее сила заключалась в бессознательном невежестве и грубости. <...> Последнему школьнику известно, что массы самый плохой оплот против духа безначалия и мятежа; — что они подчиняются тому, у кого в данную минуту находится в руках сила; что ничего нет легче, как взбунтовать массы... А грабеж, разбой, убийства, воровство, непомерное пьянство, вся эта нравственная ростепель, стоящая революции, как только ослабляются удила? Загляните в нашу историю, и она даст не один такой ответ на эту дикую теорию о консерватизме масс»⁴³.

Полемизируя месяц спустя с «Русским инвалидом», «Весть» не без успеха опровергала славянофильские представления о природном

³⁹ Там же.

⁴⁰ Весть. 1865. № 20. 22 декабря.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Весть. 1865. № 6. 23 сентября.

монархизме народных масс: «„Русский инвалид“ говорит о народном монархизме, что даже мятежники прикрывались именем царя, „народ шел за Пугачевым“, думая защищать идею верховной власти в лице своего государя. <...> Какое нам утешение в том, что думал народ, совершая поголовные убийства и неслыханные грабежи!.. В этом факте мы видим совершенно другое нравоучение, нежели то, которое делал „Русский инвалид“. Если русские революционеры, взяв своим прототипом Емельяна Пугачева, станут уверять, что все их действия клонятся лишь к усилению монархического начала, то от этих лицемерных слов не может еще выиграть Россия и царствующая в ней династия. <...> Если русские революционеры прибегают ко лжи и обману, принимая имя „царей“ или надевая маску верных слуг монархического начала, то тем более следует нам быть осмотрительными; по крайней мере вперед не доверять ложным и льстивым уверениям людей, враждебных общественному порядку и способных погубить даже те слабые начатки цивилизации, которые с таким трудом водворились в России. <...> Нечего рассчитывать на консерватизм масс, ибо всякий проходимец, всякий Пугачев, всякий Антон Петров, может, приняв имя царя и раздавая „золотые грамоты“, сбить с толку простой народ. В том-то и дело, что при консерватизме того сорта, который „День“ и „Русский инвалид“ отыскивали в массах, возможно *именем „царя“ произвести бунт против Царя* и против всей общественной иерархии»⁴⁴.

Не страдали редакторы «Вести» и «квасным патриотизмом». Иронизируя над «отчизнолюбивыми воплями» Аксакова, сожалевшего о массовом отъезде образованных русских за границу, Скарятин демонстрировал глубокую эмпатию по отношению к эмигрантам: «Бросить прекрасное небо Италии, променять эти чудные города, где на каждом шагу блеск и изящество дворцов новой архитектуры спорят с мрачным величием полукрепостей-полудомов средневековой постройки; где сокровища искусства рассыпаны такою щедрою рукой, променять эти города на какой-нибудь Царевококшайск — жить там без цели, без пользы и выносить беспрестанные незаслуженные оскорбления, — такой патриотической жертвы ни от кого требовать нельзя. Нужны постоянно действующие причины, которые побуждали бы наших помещиков возвратиться»⁴⁵.

«Весть», в отличие от К. Н. Леонтьева, не отрицала прогресса и положительно оценивала достижения современной западной цивилизации.

⁴⁴ Весть. 1865. № 14. 21 октября.

⁴⁵ Весть. 1864. № 50. 15 декабря.

Однако ее трактовка национализма как силы революционной, разрушительной и упрощающей, в общем и целом совпадала с леонтьевской. В своем цикле «Нация-плебей в польском в вопросе» Н. Н. Юматов рассматривал национализм как возвращение в средневековье: «Поднятый в последнее время в разных концах Европы вопрос о национальностях мы считаем лишь одним из судорожных проявлений революционных элементов Европы. Это — прямой шаг назад в цивилизации, и пришлось бы отчаиваться в цивилизации, признать, что Европа доживает свои последние дни, если б вопрос о национальностях не был явлением мимолетным. Трудно поверить этому, глядя на сильный, живой ключ, которым бьет еще жизнь европейских народов».

Наиболее совершенными общественными формами, воплощавшими в себе достижения современной цивилизации, публицист считал государства, границам которых угрожал подъем национального самосознания, в частности, и славянских народов: «После тысячелетней борьбы выработались государственные единицы; это — сосуды, внутри которых развивается свобода лица, неприкосновенность собственности, наука, искусство, художества... Это формирование государственных единиц стоило реки крови, на него потрачен гений и силы Европы. Неужели даром? Неужели все перестраивать сызнова? Неужели, когда сложилось эти единицы, когда все силы устремились на мирное развитие существующего строя, когда гений Уатта переносит целые населения через горы и моря, когда границы, разделяющие народы, с каждым днем становятся более доступными, неужели в эту минуту драться за эти границы и лить кровь за новое разграничение?»⁴⁶.

Те же мысли развивались в статье Скарятин, написанной по поводу присоединения Венеции к Италии. Ссылаясь на авторитет Прудона, публицист утверждал, что «для людей ловких вопрос о национальности составляет очень выгодную *аферу*, наполовину биржевую, наполовину — династическую. Итак, оставим мертвым погребать мертвых, т. е. пусть революционеры и демократы мечтают о воскрешении погибших народностей. Людям здравомыслящим и действительно либеральным остается твердо стать за государство, как уже выработанную, готовую форму для дальнейших успехов цивилизации». Вопрос о национальностях, по мнению редактора «Вести», регулярно поднимался Францией, так как политическая система последней была непрочна и опиралась

⁴⁶ Весть. 1864. № 34. 23 августа.

на «чернь», «тех, которые подчиняются минутному влечению и изменяют с каждым днем своих идолов»⁴⁷.

В целом, решение национального вопроса в России виделось «Вести» следующим образом. Сознывая, что «...мало существует таких государств, население которых состояло бы из одной сплошной национальности и принадлежало бы к одному вероисповеданию», Скарятин апеллировал к «духу времени» — просвещению и веротерпимости. Именно благодаря им «...разноплеменное и разноверное население получает возможность не только жить вместе без вражды, но иметь общие интересы, защищать их общими интересами и составлять одно государственное целое».

Однако главной основой государственного единства должна была стать классовая солидарность собственников: «И немецкое лютеранское, и иное меньшинство тогда только будет в добровольной связи с великим Российским государством, основанным на русской национальности, когда руководящая часть этого меньшинства пристанет откровенно к руководящей части русского большинства» — т. е. дворянам. Это будет возможно, «...если звание русского дворянина стоит высоко; если оно почитается не пустым звуком, но действительным правом, то оно служит нравственною связью между Российским государством и его иноплеменными и иноверными подданными. На этом звании русского дворянина соединяются с господствующею национальностью руководители иноплеменного меньшинства, а следовательно и самое это меньшинство. Это — та объединяющая сила, это — та добровольная связь, которая устраняет необходимость мер насильственных. Известен факт, что остзейские дворяне, выезжая временно в Германию, именуют себя не немцами, а русскими дворянами». Таким образом, «...желание упрочивать и завершить государственное единство России настоятельно требует развивать и поддерживать в иноплеменниках и иноверцах, живущих по окраинам, направление центростремительное, а не центробежное. Государственное единство России будет окончательно завершено, когда интеллигенция этих окраин, указывая на себя, будет с гордостью повторять: *Cives sum Romanum*»⁴⁸.

Но в условиях пореформенного национального подъема «Весть» поигрывала газетам «русского направления» — прежде всего в подписчиках. Резкость же полемического тона В. Д. Скарятин оттолкнула от него и высокопоставленных петербургских покровителей. В 1870 г.

⁴⁷ Весть. 1864. № 40. 5 октября.

⁴⁸ Весть. 1867. № 29. 8 марта.

«Весть» закрылась. Последующие защитники дворянского сословия — Р. А. Фадеев и В. П. Мещерский — в целом нашли компромисс с М. Н. Катковым. Главный же консервативный критик национализма и демократии К. Н. Леонтьев в большей степени противопоставлял этим началам «византийскую» церковность. Но сословное начало парадоксальным образом восторжествовало в XX столетии — породив под вывеской «диктатуры пролетариата» новый правящий слой: партийную номенклатуру. Многие тезисы «Вести» всплывают ныне в право-либеральном дискурсе, а отдельные исследователи рассматривают и нынешнее российское общество как сословное⁴⁹.

Источники и литература

1. Аксаков И. С. В чем залог прочного развития и единства России? // *Он же*. Сочинения: в 6 т. СПб., 1891. Т. 2. С. 303–313.
2. Аксаков И. С. О самоуничтожении дворянства как сословия // *Он же*. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 630–634.
3. Аксаков И. С. По поводу письма Ригера о польском вопросе // *Он же*. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М., 1886. С. 126–134.
4. Весть. 1863. № 12. 27 октября.
5. Весть. 1863. № 19. 15 декабря.
6. Весть. 1863. № 45. 8 ноября.
7. Весть. 1863. № 5. 8 сентября.
8. Весть. 1864. № 16. 17 апреля.
9. Весть. 1864. № 34. 23 августа.
10. Весть. 1864. № 38. 20 сентября.
11. Весть. 1864. № 40. 5 октября.
12. Весть. 1864. № 50. 15 декабря.
13. Весть. 1865. № 13. 18 октября.
14. Весть. 1865. № 14. 21 октября.
15. Весть. 1865. № 15. 25 октября.
16. Весть. 1865. № 20. 11 ноября.
17. Весть. 1865. № 26. 2 декабря.
18. Весть. 1865. № 30. 16 декабря.
19. Весть. 1865. № 34. 30 декабря.
20. Весть. 1865. № 6. 23 сентября.
21. Весть. 1866. № 21. 17 марта.

⁴⁹ Вахитов Р. Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России. Сборник статей. М.: Страна Оз, 2016.

22. Весть. 1866. № 65. 22 августа.
23. Весть. 1867. № 29. 8 марта.
24. Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб.: Пушкинский дом, 1993. 640 с.
25. Самарин Ю. Ф. О политическом идеале газеты «Весть» // *Он же*. Сочинения. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1898. Т. 9: Окраины России. С. 456–485.
26. Вахитов Р. Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России. Сборник статей. М.: Страна Оз, 2016. 224 с.
27. Нольде Б. Э. Петербургская миссия князя Бисмарка: Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага: Пламя, 1925. 302 с.
28. Нольде Б. Э. Ю. Ф. Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003. 542 с.
29. Цимбаев Н. И. Славянофильство. М.: Московский университет, 1986. 272 с.

Aleksandr Kotov. Populism and the System of Estates: Two Poles of Russian Conservatism.

There was a time in Russian thought when two idiosyncratic poles of Russian conservatism came into conflict: the “populist” ideal came into contact with the conservative and aristocratic basis, and conflict between the two resulted in one of the most serious fissures in Russian political culture. This took place at the beginning of the 1860’s, when the famous newspaper *Vest’* undertook a series of editorials against periodicals supporting the democratizing reforms of Nikolay Milyutin in Poland, where an uprising had been recently suppressed. These periodicals included *Moskovskiye Vedomosti*, *Russky Invalid*, *Golos*, and, most importantly, various Slavophile journals. Though the Slavophiles were not “democrats” in the sense of supporting popular sovereignty, they nonetheless held certain democratic views because of their relative egalitarianism and support for the “society” as the central subject of national unity. In contrast with their position, *Vest’* supported first of all the interests of the class of land owners and offered the solidarity of all corporations of nobility in Russia as the opposing tendency to the “cesarism” of the Slavophiles. Paradoxically, supporters of the estate system came out victorious in the 20th century and formed the new “imperial” ruling elite – the nomenklatura of the Party. Many of the statements outlined in *Vest’* are now reused in right-liberal discourse, and some scholars view modern Russian society as a continuation of the system of estates.

Keywords: conservatism, nationalism, Slavophilism, journalism, publicism, democracy, aristocracy, Russia, Russian Empire, Ivan Aksakov, *Vest’*, Vladimir Skaryatin.

Aleksandr Eduardovich Kotov – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of Museum Study at the Institute of History of St. Petersburg State University (akotov@inbox.ru).